УДК 82.091

В.И. Стародумова
Дальневосточный государственный университет
(г. Владивосток)

МОТИВ СВЯТОСТИ КАК ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЙ В АЛЬБОМЕ А. БАШЛАЧЕВА «ВЕЧНЫЙ ПОСТ»

Статья посвящена одному из доминантных циклообразующих мотивов в альбоме Александра Башлачева «Вечный пост». Через постепенно обретаемую лирическим героем святость автор раскрывает его истинное предназначение. Мотив, кроме собственно святости, строится из второстепенных мотивов прозрения, отпущения грехов, молитвы, креста и Христа. При слиянии оригинальных мотивов и образов возникает иное понимание святости – именно русской, расширяющей узкое значение этого понятия.

Цикл, мотив святости, поэзия Башлачева, альбом «Вечный пост».

The motif of holiness is one of the principles of association of separate poems in a cyclic artistic unity in the album «Eternal Fast» by Alexander Bashlachev. The author exposes the fate of lyric hero through reason of holiness. The motif of holiness consists of additional motifs of internal vision, absolution, prayer, cross and Christ. Through these motifs a lyrical plot is created. Understanding of holiness appears for the author as Russian holiness.

The cycle, the motif of holiness, Bashlachevs poetry, the album "Eternal Fast".

Введение

Александр Башлачев – русский и советский рок-поэт, живший в конце XX века, оставил сравнительно небольшое литературное наследие. Самым концептуальным его произведением можно назвать альбом «Вечный пост», записанный в 1986 году (никологорский вариант). Через этот альбом поэт постарался наиболее полно раскрыть идеи, которые пронес через все свое творчество. В него вошли девять песен: «Посошок» (сентябрь 1985), «Все от винта» (апрель 1985), «Сядем рядом» (декабрь 1985), «Когда мы вместе» (март 1986), «Вечный пост» (март 1986), «Все будет хорошо» (январь 1986), «Имя Имен» (март 1986), «На жизнь поэтов» (январь 1986), «Как ветра осенние» (декабрь 1985).

Цель статьи – показать, каким образом связываются все части цикла посредством мотива святости – одного из доминантных мотивов «Вечного поста» – и его роль в сюжете цикла.

Основная часть

Для понимания полной картины мотива святости в «Вечном посте» нам необходимо обратиться к истокам значения слов «святость» и «святой». При исследовании этих значений можно обнаружить связь или даже параллельные значения языческой и христианских традиций. В.Н. Топоров в первом томе книги «Святость и святые в русской духовной культуре» [2] прослеживает историю праславянского элемента *svet-*, которое «соединяет и теперешнее русское слово *святой* с индоевропейской основой

k'uen-to, обозначающей возрастание, набухание, вспухание, то есть увеличение объема или иных физических характеристик». В эпоху язычества это «увеличение» обычно обозначало «результат действия особой жизненной плодоносящей силы», а позже – ее символ. Поэтому эпитет *святой* определял прежде всего «символы вегетативного плодородия (*святое дерево, рай, роща, колос, жито, корова*), сакрально отмеченные точки времени и пространства (*святая гора, поле, место, река; святой день, неделя, праздник (святки)*), порождающие стихии (*святой огонь, святая вода*), рамки вселенной как предел ее потенций (*святая земля, святое небо*), выступающие и в ипостасном, как бы персонифицированном виде «родителей» (см. *Мать-Земля* и *Отец-Небо* при *святая мать* и *святой отец*, но и *святая семья*)». Время и пространство, таким образом, связывают святой мир с населяющим его *святым* народом, ведущим *святую* жизнь. В этом «святом мире предназначение и идеал человека быть святым (*святой человек;* ср. имена типа Святослав, Святополк, Святомир и т.п.)». Топоров отмечает также, что «все формы человеческой деятельности по идее ориентированы на святость – свою (потенциально) или исходящую свыше», и прослеживает связь с – *святое слово, святое дело, святая мысль, святое имя, святая слава.* Святым может быть и высшее предназначение человека, его путь, идеал (*святой путь, святая вера, святая правда, святая истина, святая жизнь, святой Бог*). Ученый утверждает вероятность, что и «характерно христианские употребления слова *святой*, точно переводящие соответствующие понятия с греческого или латинского текста, могли иметь свой параллельный источник в недрах дохристианской традиции» [2, с. 8].

С введением христианства на этой языческой основе сложилось «представление о новом понятии святости – духовной, понимаемой как некое «сверхчеловеческое» благодатное состояние, когда происходит возрастание в духе, творчество в духе» [2, с. 9]. Язык, несомненно, тоже претерпел разного рода изменения после принятия христианства на Руси в 988 году. Наряду с вытеснением старых и введением новых слов и терминов существовал и третий вариант взаимодействия языка и культуры. Речь идет о ситуации, когда слово, не только «хорошо известное в языческую эпоху, но и более того, обозначавшее важное понятие языческой веры, тем не менее сохраняется и в христианскую эпоху, играя ключевую роль в новой системе понятий» [2, с. 439]. Именно к этой группе слов относится славянское *svet* – святой. Это понятие-слово относится к тем словам, что «возникнув в некую более раннюю эпоху, переживают самые острые кризисы развития языка, культуры, идеологии и «работают» до конца с разным коэффициентом полезного действия. В разные эпохи они в равной степени укоренены в языке и в культуре, образуя вокруг себя разветвленную сеть слов и идей» [2, с. 435].

Понятие святости в христианской традиции имеет свои особенности. В частности, кроме правил канонизации святых, существуют иные параметры для определения этого термина. В статье «Святость человека в православной аскетической традиции» А.И. Осипов обращается к трудам священника и религиозного философа Павла Флоренского, цитирует и поясняет его мысли о понятии святости: «Когда мы говорим о святой Купели, о святом Мире, о Святых Дарах, о святом Покаянии, о святом Браке, о святом Елее... и так далее, и так далее и, наконец, о Священстве, каковое слово уже включает в себя корень «свят», то мы прежде всего разумеем именно неотмирность всех этих Таинств. Они – в мире, но не от мира... И такова именно первая, отрицательная грань понятия о святости. И потому, когда вслед за Таинствами мы именуем святым многое другое, то имеем в виду именно особливостъ, отрезанность от мира, от повседневного, от житейского, от обычного – того, что называем святым... Посему, когда Бог в Ветхом Завете называется Святым, то это значит, что речь идет о Его надмирности, о Его трансцендентности миру» [3, с. 148–152].

Осипов выделяет суть понятия святости следующим образом: «...святость это, во-первых, чуждость по отношению к миру греха, отрицание его. Во-вторых – она конкретное положительное содержание, ибо природа святости Божественна, она онтологически утверждена в Боге. В то же время, святость – не моральное совершенство, хотя она и соединена с ним неразрывно, но – "сопричосущпость неотмирным энергиям". Наконец, святость есть не только отрицание, отсутствие всякого зла и не только явление иного мира, Божественного, но и незыблемое утверждение "мировой реальности через освящение этой последней"». Эта третья сторона святости является «силой, преображающей не только человека, но и мир в целом так, что будет Бог все во всем (1 Кор. 15, 28)». В итоге «все творение должно стать иным (И увидел я новое небо и новую землю – От. 21, 1) и являть собой Бога. Но в этом процессе со стороны творения активную роль может играть только человек, потому на него возлагается вся полнота ответственности за тварь (Рим. 8, 19-21). И здесь с особой силой открывается значение святых, ставших в условиях земного бытия начатком (Рим. 11;16) будущего всеобщего и полного освящения» [1, с. 142].

Ученый акцентирует внимание на том, что святые – это, прежде всего, «иные люди, отличные от живущих по стихиям мира сего, а не по Христу (Кол. 2,8). Иные потому, что они борются и с помощью Божией побеждают «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую» (1Ин. 2,16), – все то, что порабощает людей мира сего. В этой выделенности святых из мира троякой похоти, из атмосферы греха, можно видеть одну из принципиальных характеристик святости и единство первоначального апостольского и церковно-традиционного ее понимания» [1, с. 142].

Мы можем утверждать, что эти черты понятия святости в той или иной мере проповедуются Башлачевым в «Вечном посте». Мотив этот сложен, порою едва уловим, но мы относим его к одному (если не самому главному) из доминантных в этом цикле. Складывается он из нескольких второстепенных мотивов. Рассмотрим комплекс этих мотивов последовательно.

В «Посошке» мотив святости появляется во второй строфе, когда лирический герой, предчувствуя смерть, начинает говорить о самоотпевании: *Отпевайте немых! А я уж сам отпою.* Поэт вместо молитв может отпеть себя своими стихами, песнями. Этот мотив наряду с мотивом молитвы продолжен и в пятой строфе: *Отпусти мне грехи! Я не помню молитв. / Если хочешь – стихами грехи замолю.* В этой части цикла автор показывает первые шаги лирического героя к обретению святости, здесь он только задумывается о предназначении поэта. Размышляя о страшной судьбе русских святых, он говорит: *Ведь святых на Руси только, знай, выноси. / В этом высшая мера. Скоси-схорони.* Мотив креста также впервые появляется здесь, он противопоставлен правде русской жизни: *И наша правда проста, но ей не хватит креста / И соломенной веры в «спаси-сохрани».* Настоящую жизнь лирический герой не может уложить в рамки религии, его святые выходят за рамки религиозных канонов. «Часовой всех времен» дает ему пророческое видение, выпуская в текст впервые мотив прозрения: *Часовой всех времен улыбнется: – Смотри! – / И подымет мне веки горячим штыком.*

В «Сядем рядом» мотив святости реализован применительно к образу поэта, который обретает черты святого постепенно, сам того не замечая: *Тот, кто исповедует, да сам того не ведает.* В восьмой строфе мотив святости обретает очертания в облегчении душ других людей: *Чтоб кому-то полегчало… / Да разреши, пожалуй, я сумел бы все на пальцах объяснить.* Здесь появляется мотив Христа, говорящего для простоты притчами. И лирический герой рассказывает, как Христос, притчу о любви, которую не нужно искать, но можно увидеть и дотянуться до нее рукой: *Глянь в окно – да вот оно рассыпано, твое зерно; Ну, чего ты ждешь? Лети смелей, лети еще, еще. / Что, высоко? Ну, ближе, ближе. / Ну вот, еще теплей. Ты чувствуешь, как горячо?* И поэт приближается к образу Христа через умение рассказать людям о Божьей любви посредством образности, граничащей с притчей.

В произведении «Когда мы вместе» мотив святости связан с мотивом лиха в описании картины жизни мирской: *И все святые пущены с молотка, / Все святые пущены с молотка*, что дает представление о мученичестве святых, преданных и проданных (возможно иудами). В финале этой части цикла присутствует мотив креста, ведущего лирического героя к святой смерти: *Мой крест – знак действия, чтоб голову сложить / За то, что рано умирать, / За то, что очень славно жить.* Кроме того, здесь появляется мотив преднамеренной смерти, лирический герой понимает неизбежность ее и собирается пойти на этот крест.

Обращение к Господу в «Вечном посте» служит завязкой мотивов молитвы и святости, что подтверждается и наличием образа верного пути, на который вступает лирический герой. Верный путь поэта здесь – это путь верный Богу, освященный молитвами о Руси и обращениями к Господу: *Засучи мне, Господи, рукава! / Подари мне посох на верный путь; Храни нас, Господи! Храни нас, покуда не грянул Гром* (2 раза); *Молнию замолви, благослови!* Обряды венчания и причастия, присутствующие в сюжете, упоминаются автором в связи с описанием поругания святынь: *Как венчают в сраме, приняв пинком; Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь. / Коротки причастия на Руси.* Мотив креста как невозможного идеала для той духовной реальности, в которой находится русский народ, выражен следующим образом: *Но не слепишь крест, если клином клин.* Мотив прозрения в конце текста далее рисует картину святости лирического героя: *Но серпы в ребре да серебро в ведре / Я узрел не зря! Я – боль яблока.* Молитва святого (поэта) звучит даже в самые тяжелые времена вечного поста на Руси, мольба *Храни нас, Господи* четырежды повторяется в тексте произведения.

Образ Христа, явленный в произведении «Все будет хорошо», с которым лирический герой отождествляет поэта, помогает раскрыть этот мотив через аналогии к притчам: *Как из золота ведра каждый брал своим ковшом; Как из золота зерна каждый брал на каравай; Всем сестрам – по любви; Всем братьям – по кресту виноватому.* Сюжет стихотворения строится на евангельских образах, от притч переходит к трагедии Христа, одновременно к трагедии его братьев (поэтов): *Только не бывать пусту / Ой да* ***месту святому****: / Всем братьям по кресту виноватому.* Предназначение поэта-святого лирический герой видит в служении людям, в умении принять и донести до них любовь: *Только, только подмоги не проси, прими и донеси.*

В «Имени Имен» мотив святости обретает ключевое значение, даже в названии стихотворения есть отзвук имени Христа. По аналогии с Книгой Книг – Библией Имя Имен – непрямое называние Христа. Это могло быть именованием Бога, но строки: *Имя Имен… / Сам Господь верит только в него*, – заставляют нас искать иное значение. Кроме того, Имя Имен несет в себе наименование, что является прерогативой Слова и отсылает нас к образу поэта. В таком случае мы можем сделать вывод, что Имя Имен – еще один образ, связывающий Христа и поэта мотивом святости. В этой части цикла большое количество образов связано со Словом: *в первом вопле; смешав языки, мутим воду в речах; врем испокон; запевает звезда; вольный ветер ворожит Рождество; станут Страшным судом – по себе - нас судить зеркала; бросит боль да былинку, чтоб истиной к сроку взошла.* Рождение Христа отражено здесь следующим образом. Момент рождения: *Имя Имен / в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?*; появление на небе Вифлеемской звезды: *Да только с легкой дуги в небе синем / опять, и опять, и опять запевает звезда*; явление волхвов-пророков: *Имя Имен ищут сбитые с толку волхвы*; предсказание рождения: *Вольный ветер на красных углях ворожит Рождество*; образ святой девы Марии: *Небо в поклон / До земли обратим тебе, юная девица Маша*; указание на время рождения сына Господа: *Земляника в январском лукошке.* Вновь появляется образ верного пути, дарованного Богом: *Вкривь да врозь обретается верная стежка-дорожка.* Имя Имен также раскрывает суть Христа и поэта, степень святости определяется, с одной стороны, страданиями, с другой – сильными сторонами характера и личности

святого. Можно выделить ряд черт святого. Во-первых, истинность: *не стемнить по углам; взято ветром и предано колоколам*; *Имя Имен прозвенит золотыми ключами.* В стихотворении есть и прямое упоминание истины: *Имя Имен / вырвет с корнем все то, что до срока зарыто. / В сито времен / бросит боль да былинку, чтоб истиной к сроку взошла.* Во-вторых, цельность и не продажность: *не кроить пополам; не тащить по котлам; не урвешь, не заманишь, не съешь, не ухватишь в охапку; куполам / не накинуть на Имя Имен золотую горящую шапку.* Страдания проходят рядом с Именем Имен, именно они заставляют открыть глаза человека на истину: *Ох, гляди, красно солнышко врежет по почкам*; *А возьмет и продраит с песочком! / Разом поймем, / Как болела живая душа.*

В следующем стихотворении цикла «На жизнь поэтов» мотив святости звучит отчетливо, отражаясь в композиционном образе *семи кругов беспокойного лада*, где от строфы к строфе прослеживается путь поэта, приводящий его к святости. В начале этого пути лирический герой как бы молится за поэта: *Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада.* Во второй строфе он предрекает, подготавливает к трагическому финалу жизни поэта: *Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада / Пойдут по воде над прекрасной шальной головой.* Третья строфа проходит параллельно моменту смерти поэта, освященной Богом: *И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада / Глядят Ему в рот, разбегаясь калибром ствола.* В четвертой строфе возникает образ Христа, ходящего по воде: *Неважно, когда семь кругов беспокойного лада / Позволят идти, наконец, не касаясь земли.* Последняя пятая строфа замыкает этот путь, выводя поэта на уровень святого: *Короткую жизнь. Пять-шесть-семь кругов беспокойного лада / Поэты идут и уходят от нас на восьмой.* Мотив святости сливается с мотивами лиха и Божественного провидения, образуя целостную картину жизни поэта в этой части цикла. Кроме того, характеризуя поэта, лирический герой описывает его, создавая следующие святые образы: *истина в черновике; великое имя; икона в размере оклада; полные ведра внимательных глаз; святая вода на пустом киселе неживой; ангелы чернорабочие; к ним Бог на порог; принял обет сделать выбор, ломая печать; поэта не взять все одно ни тюрьмой, ни сумой.* Здесь мотив святости сливается с образом поэта, подводя к финалу цикла идею о святости поэта.

«Как ветра осенние» ведет мотив святости к логическому завершению – воскрешению. В образе Христа, тождественном образу поэта, раскрывается святое предназначение последнего. Верный путь его жизни определен Богом: *И хотел я жить, да умирал да сослепу, со страху, / Потому что я не знал, что ты со мной.* Через притчевый язык лирический герой объясняет предопределенность жизни поэта: *Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригодился.* Трагизм, страдания и мученическая смерть поэта в финальной части цикла обретает смысл более полный, чем в предыдущих его частях: *Ведь совсем неважно, от чего помрешь, / Ведь куда важнее, для чего родился. Семя* поэта, его песни, его Слово, после мученической смерти обретает святость, а вслед за Словом святость обретает и сам поэт: *Листья воскресения да с весточки – весны.*

Выводы

Самым символичным смысловым полем «Вечного поста» мы обозначили поиск святости лирического героя. Этот поиск начинается с «Посошка», где лирический герой отправляется в дорогу, и заканчивается воспоминанием и осмыслением в финальной части «Как ветра осенние». Значительная часть образов-символов цикла соотнесена именно с этим мотивом.

Таким образом, мотив святости имеет важнейшее значение для сюжета цикла «Вечный пост». Через постепенно обретаемую поэтом святость Башлачев раскрывает его истинное предназначение, «сверх. Роль святых, «ставших в условиях земного бытия начатком будущего всеобщего и полного освящения», в этом цикле отводится именно поэтам, открывающим глаза людей на Божественную любовь. Кроме того, на перекрестье образов возникает иное понимание святости – именно русской, расширяющей общее значение этого понятия. Строится этот комплекс мотивов, кроме собственно мотива *святости*, из второстепенных мотивов *прозрения, отпущения грехов, молитвы, креста* и *Христа.*

Исследуя доминантные мотивы «Вечного поста», мы пришли к выводу, что все они сливаются через мотив святости в единый сюжет. Мотивы дороги, смерти, любви и Божественного провидения приводят лирического героя к познанию святости.

Литература

1. Осипов А.И. Святость человека в православной аскетической традиции // Православное учение о человеке. Избранные статьи. Москва: Клин, 2004. С. 138–153.

2. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

3. Флоренский П. Освящение реальности // Богословские труды. №17. М., 1977. С. 148–152.

References

1. Osipov A.I. Sviatost' cheloveka v pravoslavnoi asketicheskoi tradicii [Human Holiness in the Orthodox ascetic tradition]. *Pravoslavnoe uchenie o cheloveke. Izbrannye stat'i* [Orthodox doctrine of man. Featured articles]. Moscow ; Klin, 2004, pp. 138–153.

2. Toporov V.N. *Sviatost' i sviatye v russkoi duhovnoi kul'ture. T. I. Pervyi vek hristianstva na Rusi* [Sanctity and saints in the Russian spiritual culture. T. I. The first century of Christianity in Russia]. Moscow, 1995.

3. Florenskii P. Osviashhenie real'nosti [Consecration of reality]. *Bogoslovskie trudy* [Theological Works]. Moscow, №17, 1977, pp. 148–152.